

**Учредители: Министерство информации Республики Беларусь;
Общественное объединение «Союз писателей Беларуси»;
Издательское республиканское унитарное предприятие «Мастацкая літаратура»**

**Главный редактор
Наталия Николаевна КОСТЮЧЕНКО**

Редакционная коллегия:

**Владимир Андриевич, Але́сь Бадак,
Виктор Васильев, Мария Воинова-Стреха, Вадим Гигин,
Александр Коваленя, Тамара Краснова-Гусаченко,
Михаил Поздняков, Елена Попова (председатель),
Олег Пушкин, Николай Чергинец,
Наталья Шарангович, Виктор Шніп**

Адрес редакции

**Юридический адрес: 220004, Минск, пр. Победителей, 11.
e-mail: mail@mastlit.by**

**Почтовый адрес: 220004, Минск, пр. Победителей, 11.
e-mail: nemantmag@gmail.com
Телефон: 270-84-65**

Подписные индексы:

**74968 — индивидуальный; 00235 — индивидуальный льготный для учителей;
749682 — ведомственный; 00728 — ведомственный льготный.**

**Свидетельство о государственной регистрации средства массовой информации № 11 от 19.07.2021,
выданное Министерством информации Республики Беларусь**

Издатель

Издательское республиканское унитарное предприятие «Мастацкая літаратура»

**Технический редактор, компьютерная верстка, дизайн: Н. А. Артёмова
Стильредактор: О. В. Козлова**

**Подписано в печать 06.03.2024. Формат 70 ×108 ¼. Бумага газетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,60. Уч.-изд. л. 10,41. Тираж 580. Заказ**

**ОАО «Брестская типография».
Свидетельство о государственной регистрации
издателя, изготовителя, распространителя
печатных изданий № 2/59 от 19.03.2014.
Пр. Машерова, 75 Б, 224013, Брест.**

К сведению авторов

**Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Редакция только сообщает автору свое решение.
Объем прозаических произведений не должен превышать 6 авторских листов.**

**© Министерство информации Республики Беларусь, 2024
© ОО «Союз писателей Беларуси», 2024
© УП «Мастацкая літаратура», 2024**

Зиновий ПРИГОДИЧ

В ПРЕДЧУВСТВИИ ДОЖДЯ¹

Повесть

Между нами существует нечто вроде приливов
и отливов взаимной притягательности.

Милорад Павич

Кто-то из известных людей (к сожалению, не записал его фамилию) сказал, что если даже любовь несет с собой разлуку, одиночество, печаль — все равно она стоит той цены, которую мы за нее платим.

Не знаю, не знаю...

Мне кажется весьма спорным, сомнительным подобное утверждение. Впрочем, судите сами. Вот вам хроника одной такой любви.

18 марта

Как больно, невыносимо тяжело висеть между небом и землей. Два дня назад она сказала мне, что ее муж обо всем догадался и замкнулся. Он разговаривает с ней, но былой теплоты уже нет. Раньше называл ее «сладкая моя», а теперь — просто Шурочка.

Она запаниковала. Для нее потеря даже не мужа, а прежних отношений равносильна катастрофе. Поэтому заявила мне, что мы больше не можем встречаться. Самое главное для нее сейчас — вернуть мужа. «Если это еще возможно...»

— Возможно, — успокоил я ее. — Сердце, которое любит, отходчиво. А он определенно любит тебя. Да и нет у него никаких доказательств. Все утрясется.

— Тебе легко говорить.

— Да, очень легко... — я горько вздохнул.

Она посмотрела на меня, в ее взгляде я отчетливо прочитал и сочувствие, и сожаление, но в то же время и решимость не отступать от своего решения. А чтобы не было так обидно, пояснила:

— Я не могу раздваиваться. Не могу притворяться. У меня все написано на лице. Мне не нужно, чтобы меня кто-то винил, мне достаточно того, что я чувствую собственную вину.

¹ Начало.

Федор ГУРИНОВИЧ
**СИРЕНЕВЫЙ
ЗАПАХ
ДАЛЕКОГО
ДЕТСТВА**

КАПЕЛЬ

Снег последнюю песню пропел.
У девчат удлиняются ноги.
И, стекая по крышам отлогим,
В полдень булькает в лужах капель.

Эта смелость в глазах у девчат,
Этот зонт возле универмага,
Этих тучек лиловые флаги
Новизной в моем сердце стучат.

Смех лучей, воробышковый галдеж...
Не весенняя ль это затея,
Что и я в этот день молодею,
Глядя с завистью на молодежь?

Я иду по аллейке прямой,
Обходя маслянистые лужи.
Над оранжевым крокусом кружит
Золотой мотылек... Боже мой!

Воздух чист, как пустая тетрадь,
Где стихам поселиться неймется...
Я огромное красное солнце
В синей луже боюсь затоптать.

ВОССПОМИНАНИЯ

В саду очертания яблонь легки.
Луна бронзовеет в лиловой каемке.

Наталья ВОЛЧОК

У ЖИЗНИ НА ЛАДОНИ

Повесть

Глава 1

До сих пор не могу понять, почему муж выбрал именно меня, но это сделало мою жизнь неповторимой.

Наши отношения развивались стремительно: звонок — встреча — свадьба. Я не успела опомниться, как оказалась замужем.

Когда мы только познакомились, он сразу дал мне отмашку на самостоятельность и продвижение. Как сейчас помню его слова: «Настоящие мужчины хотят гордиться своими вторыми целями, а не половинками. Пара должна вместе чего-то достигать, а регулярное общение как спасение от одиночества — это путь в никуда. В таких отношениях, в конце концов, люди теряют интерес друг к другу».

Мужчинам важно добиться определенного положения в социуме, и присутствие умной, интересной, достойной женщины рядом порой становится основным фактором достижения успеха.

Хочешь узнать, чего стоит женщина, — посмотри на мужчину рядом с ней. Он — полное отражение ее мыслей, действий, желаний. Рядом с неудачником — неудачница, рядом с победителем — королева. Как говорит муж, подобное стремится к подобному. Итог у хороших пар один на двоих. Песня или есть, или ее нет.

Конечно, тот, кто в тени, всегда выглядит лучше: не видно недостатков. Но и достоинств не видно тоже.

«Я не претендую на последнее слово в твоих решениях, если станешь ко мне прислушиваться — буду только рад, — сказал мне тогда муж. — Помни, в моих правилах не настаивать, а направлять. Умные люди способны удержать семью без борьбы за лидерство, а карьеру — однозначно в лидерстве».

Правда, так говорил он до того, как мое продвижение по службе набрало максимальные обороты. Оказалось, запущенный в космос корабль очень сложно остановить до полного выполнения программы.

Я, Ирина Павловна Ковалева, — врач акушер-гинеколог, уже давно не знаю ни полноценных выходных, ни беззаботных праздников. Праздник для меня — это усиленная дежурная бригада, а значит, полная боевая готовность к любой нештатной ситуации. Даже если это для всех выходной день — суббота, как сегодня...

Людмила ВОРОНОВА

ЛЮБЛЮ Я МАРТ ЗА ЖЕЛТУЮ МИМОЗУ...

* * *

Сегодня март, но все метет...
Зима наверстыает будто...
...Или попало в переплет
Меж февралем и мартом утро.

Зима не хочет уходить,
В свои владенья не впускает,
Но сроки вышли, впереди
В дверях стоит пора другая.

Всего секунды до весны —
И льдинки хрупкие растают,
В ручьях утонут, словно сны...
Мы все — то ждем, то отпускаем.

Сегодня март, а на душе,
Как за окном, — то снег, то лужи.
Жизнь мастерит папье-маше,
Чтобы цветным раскрасить стужу.

МАРТ

Рассветом зажглась свеча,
Восход — с ароматом чая,
Блеск утреннего луча
Весну у ворот встречает...

Прелюдией март звучит,
И будит леса валторна,

А вот и они — грачи...
Фольга куполов соборных...

Дыхания лазурит —
В огранке улыбок солнца,
По лицам теплом скользит
Лихачествами гасконца.

А уши ласкает трель
Взъерошившихся синичек,
За мартом идет апрель
С набором своих привычек.

МИМОЗА

Люблю я март за желтую мимозу,
Что так к лицу мужчинам в женский день,
За оттепель, за снег и за морозы,
За черно-белый профиль деревень.

За томность, утопающую в пене
Предутренних туманов на заре,
За день, что удлиняется, весенний
И за восьмерку на календаре.

Люблю я март за то, что он — глашатай
Весны, что ждем с вестями о тепле.
За жертву белизны снегов в заплатах,
Что позволяют вновь дышать земле.

В ИГРЕ БЕСПРЕСТАННОЙ

Когда твое утро
наполнится светом,
взойдет в перламутровой
чаше рассвета
прекрасный цветок
с розоватой каймой,
то солнце встает
над моей страной.

И ты каждый миг с ним
рождаешься снова,
хотя для людей эта новость
не нова.
С ним новые мысли
и новые планы
и день под гипнозом
летящей Нирваны.

Валентина БЫСТРИМОВИЧ

ЖЕНСКОЕ СЧАСТЬЕ БЫВАЕТ...

Рассказы

ДВЕ КОПЕЙКИ

Скрипели колеса, перекатываясь через вымытые дождевыми водами коренья. Кусты олешника и орешника царапали бока телеги. Сидя на охапке сена, Ганна считала деньги и высматривала у подруги: «Прасковка, а Прасковка, сколько денег колдуну дашь?» — «Сколько скажет, столько и дам», — ответила Прасковья. И потянула вожжи: «Но-о-о!» Гнедая лошадка махнула хвостом, пошла быстрее. Беда свела и направила двух молодух в дальнюю дорогу. И никто в селе не знал, куда они поехали.

Ганна намедни выдала замуж дочь. На свадьбе пела частушки и с зятем так плясала, что искры из-под каблуков сыпались. «Ой, бедовая! Не берут ее годы, — с завистью шушукались бабы. — Такая молодая, а уже дочку замуж отдала. А сама-то! Сама-то что творит — пляшет, а сatinовая юбка на ней так и ходит, так и ходит! Мужики головы своротили. Куда муж смотрит? Приструнил бы!»

Отгуляли свадьбу, а вскорости пришла беда нежданная во двор Ганны. На самый сенокос у мужа спину скрутило. Потом корова заболела. По два ведра молока в день давала кормилица, а сейчас — едва три литра надоишь, и вялая, чуть ходит. Тут и третья беда постучалась: на кур мор напал — теряют перья и дохнут.

Ганна прилегла на телеге и снова заговорила:

— Вчера Фрося забегала, узнать в чем дело. Боится соседка, вдруг и ее куры передохнут. Постояла, головой покачала и догадку шепнула: «Может, Манька через забор черникисыпанула твоим курам, на дождь. Дождя-то давно не было!»

Ганна задумалась. Окружили ее невзгоды, пришла беда — отворяй ворота.

— Может, кто наколдовал? — пожала она плечами и опять пересчитала деньги. Затем спрятала узелок на груди и окликнула Прасковью:

— Фрося говорила, что Манька моим курам через забор черникисыпанула, дождь кликала.

В КРАЮ РОДНОМ...

Людмила КЕБИЧ

БЕЛАРУСИ

Именами нежными, исконными
Я свою Отчизну назову,
Под ее знаменами, иконами
Радостно с рождения живу.

Я с роженья с родиной любимою
Радуюсь, страдаю и терплю...
Для меня — пусть даже хлеб с мякиною...
Край не брошу свой, его люблю.

Села, города — такие близкие...
Все знакомо мне в краю родном.
А когда гроза по небу рыскает,
Значит, будет радуга потом.

То, что не свое, чужое, косное,
В сердце я и в душу не впущу.
Лучше пробегусь травою росною
И округу всю оповещу,

Что слова и нежные, и модные
Для страны любимой я нашла.
Музыкой звучат тетради нотные,
Песнями надежды и тепла.

ПОЛЕВОЙ ЦВЕТОК

Другого не ищу я окруженья —
Так хорошо среди друзей, родных.
И черпать мне в природе вдохновенье
Среди лесов и речек голубых.

Я не стремилась никогда в столицу:
На Гродно мне сошелся клином свет.
Подумаешь, съем булочку, не пиццу,
На гонорары областных газет.

Я просто полевой цветок — не роза.
И рада, что имею голос свой.
О Гродно я пишу в стихах и прозе.
И только здесь творит мой дух живой.

Перевод с белорусского Галины Смок

Николай ИВАНОВСКИЙ

В ОЖИДАНИИ ВЕСНЫ

Пока свирепы холода...
Метель в вуали плотной, белой.
И ветер струны-проводы
Перебирает быстро, смело.

Покрыл все иней мишурой.
Вдыхаю воздух я морозный.
Снежинки — словно пчелок рой.
Метель танцует танец сложный.

Валентина ДРОБЫШЕВСКАЯ

ЛЕБЕДИНОЕ ОЗЕРО

Рассказ

Елена Ивановна сидела на скамейке под старой яблонькой у заброшенного колодца — единственного напоминания о некогда бывшем здесь хуторе Машкевичей, которых в деревне в шутку называли панами. Скамейку эту десять лет назад в таком же теплом мае соорудил для нее заботливый муж. Возвращается женщина как-то с работы, а на пороге — супруг встречает, хитро улыбается: «Леночка, не переодевайся! Надо срочно сходить к озеру». Она даже разволновалась немного, но, прочитав на лице мужа счастливое спокойствие, вздохнула легко: «Все хорошо. Это моя повышенная тревожность или просто нервы... Вредно на пенсии работать».

Издали семейную чету встречала ароматом ярого цветения нарядная яблоня, а под ней красовалась новенькая резная скамейка. «Вот, будешь теперь с удобной скамейки на своих лебедей любоваться. Доработаешь этот год — и хватит. Сорок лет у доски — значительный срок. И хотя ты у меня еще молодуха, поберечь себя надо. Присядь, посмотри, какой живописный вид: просто картина Рылова!» — и Константин с любовью приобнял жену.

Вид и вправду был завораживающий: огромное искусственное озеро облюбовали красавцы-лебеди сразу же после его создания, в шестидесятые. Причем птиц прилетало такое количество, что сельчане нарекли его — Лебединое озеро. Это название нередко становилось предметом для деревенских анекдотов и легенд.

Рассказывали, как-то поехала баба Ядвига к сыну в Москву. А сын у нее — известный ученый. Пришли гости, такие же ученые, интеллигенты. Стали обсуждать культурные новости столицы. Баба Ядвига молча слушала, боясь ляпнуть что-то не в тему, чтоб сына не опозорить. Но вдруг один из гостей завел разговор о балете «Лебединое озеро» в новой постановке. Все внимательно слушали, потом обсуждали смелые решения молодого балетмейстера... А заботливая невестка, обратившись к молчавшей свекрови, воскликнула: «Ядвига Александровна, надо непременно сходить на «Лебединое озеро», завтра же куплю билеты!» И тут баба Ядвига не выдержала: «А мы в деревне и безо всяких билетов каждый день на Лебединое озеро ходим. Приезжайте, милости просим!»

С тех пор деревенские мужики, собираясь ранним утром на рыбалку, отвечали с напыщенным видом на ворчание жен, перечисляющих «горящие» дела

по хозяйству: «Надо непременно сходить на Лебединое озеро...» И жены, с подковыркой «Ишь ты, “ителегент”», прекращали свое ворчание.

Елена Ивановна, закрыв глаза, наслаждалась сладкими воспоминаниями и гладила худенькой дрожащей ладонью скамейку, как будто рядом был муж, любимый и единственный Костенька... Звук приближающегося трактора вернул женщину в реальность. Елена Ивановна подошла к яблоньке и, вдыхая нежно-сладкий цветочный аромат, прошептала: «Жизнь, жизнь... Что ты есть? Яркие мгновения или серые будни, высокопарные фразы или скромное молчание... Что ты есть, жизнь? Рождение — цветение — угасание...»

— Доброго утречка, Елена Ивановна! — поздоровался спустившийся с горки лучший тракторист СПК, ее бывший ученик Сергей Дроздович. Погладив шершавый, с глубокими бороздами на коре ствол дерева, добавил: — Даже старая яблонька становится цветущей невестой в счастливую пору...

— В счастливую пору... — эхом отозвалась женщина и, спохватившись, поздоровалась:

— Доброе утро, Сережа!

Посмотрела внимательно на коренастого мужчину и отметила про себя: «Совсем взрослым стал. Богатырь! Как и не бывало того ученика-сорванца с яркими веснушками на носу... Жизнь, жизнь... Побег из детства». Произнесла вслух, сочувствуя:

— Рано ты на ногах, сынок!

— Да мы привычные, Елена Ивановна! Кто рано встает, тому Бог дает... Поесть ждать не будет. Упустил минуту — потерял урожай... У меня в воскресенье первый за три месяца выходной выпадает. Так мы с женой в район поедем. Если вам надо чего в городе, можете с нами съездить. Детишек с собой не берем, к матери отправим: пусть порадуют бабушку. Так что места в машине много.

— Благодарю, Сереженька! Вроде ничего в районе и не нужно...

— Еще два дня до воскресенья — звоните, как надумаете.

— Позвоню в субботу. Спасибо, что не забываешь старуху, — пошатнулась и присела на родную скамейку.

— Да вы еще о-го-го, Елена Ивановна! Гляжу на вас и вижу, как стоите у доски перед портретом Пушкина и стихи читаете. А мы, ученики, сидим открыв рты за партами, очарованные вашим красивым голосом... Потому и Пушкина полюбили... Из-за любви к вам! Апомните, как ваш Андрей рэп на письмо Онегина написал? У меня неделю ладони горели, хлопал от души! Андрей ваш — огонь! Давно не приезжал. Как он там, в Германии?

Озnob пробежал по телу: сын месяц не звонил и не писал...

— Да... Все хорошо у Андрюши. Вчера общались по скайпу, — избегая лишних вопросов, отвела глаза, соврала Елена Ивановна. — Привет тебе передает. Обещает приехать в июле.

— Ох и закачу я ему встречу! Друг детства все-таки, хоть и немцем заделался... — попытался пошутиТЬ Сергей, но, почувствовав неловкость любимой учительницы, пробасил: — Работа ждет. Поеду я. А вы, Елена Ивановна, не грустите. Андрей слово держит: сказал, что приедет в июле, значит, приедет.

Дымок трактора растворился в воздухе. «А может, жизнь — это всего лишь дым», — вздохнула женщина и направилась домой.

Родная двухэтажка тонула в цветущих деревьях. Когда-то четыре молодые четы колхозных специалистов и сельской интеллигенции отмечали здесь новоселье и вскоре стали одной большой дружной семьей.

Теперь в доме тихо коротали свой век четыре вдовы. Только по праздникам и в летнюю пору оживала двухэтажка: к соседкам приезжали внуки, которых добрая бабушка Лена

считала родными. Маленьким рассказывала сказки, выслушивала подростковые откровения о первой любви, пекла для всех вкусные пирожки... Но, к сожалению, празднично-летнее счастье очень быстро растворялось в обыденности, согревая одиночество женщин только на вечерних посиделках и вочных воспоминаниях. «Лишь дым...» — повторила Елена Ивановна и вошла в пустую квартиру.

Дрожащими руками взяла ноутбук, подаренный сыном три года назад, открыла «Скайп» и нажала вызов. Но ответа не было. «Где же ты, Андрюшенька?» — вопрошала, глотая слезы. После пяти неотвеченных вызовов Елена Ивановна подошла к иконке и стала молиться, взывая всем сердцем к Николаю Чудотворцу: «Святой Николай, спаси и сохрани сыночка моего Андрея! Помоги ему в минуту трудную! Направь на путь истинный! Избави от искушений... Спаси и сохрани!» Зазвонил домашний телефон. Сердце забилось быстрее. Елена Ивановна стала бояться телефонных звонков три года назад, после смерти мужа... Восьмого мая в девять часов двадцать две минуты позвонили из районной больницы. Молодой женский голос с сожалением сообщил: «Сделали все, что могли...» Больше она ничего не слышала. Рванулась в больницу. К нему, к любимому! Подкосились ноги, упала... Тогда, на похороны отца, и приезжал Андрей. Три года назад...

Телефон все звонил и звонил, а Елена Ивановна не могла ни пошевелиться, ни вдохнуть...

— Лена! — крик вбежавшей соседки Светы громом окатил всю трехкомнатную квартиру. — Живая! Слава богу! — Пристально посмотрела на подругу. — Сильно прихватило? Я сейчас, родная, помогу!

Дав обессилевшей женщине нитроглицерин, Светлана охала и причитала:

— А я звоню, звоню, а ты не отвечаешь! Ох и передумала всякое... Пусть оно там и останется, — сплюнула через левое плечо. — Хорошо, что договорились не закрывать входные двери! И хорошо, что ключами обменялись. Мало ли что... Дети по далеким городам разъехались, а твой и того дальше... Я чего звонила-то. Завтра же у тебя, Леночка, день рождения! Может, на Лебедином озере отметим? Наготовим вкусностей, возьмем скатерть-самобранку... Так что откладывай болеть. Готовиться к празднику надо!

— Спасибо, Света, — тихо поблагодарила подругу Елена Ивановна, — но как же я на озеро пойду... Сынок позвонит, а мама не ответит... На озере ведь вайфая нету... Давайте лучше у меня соберемся. Поспокойней мне будет. А на озере Лебедином я и так каждое утро бываю.

— Да кто ж не знает, что кормишь ты, сердечная, по утрам лебедушек? Так я и предлагаю дневное празднество на Лебедином. А сын по вечерам тебе звонит. — Светлана посмотрела на портрет Андрея и глубоко вздохнула: — Да всегда ли помнят дети дни рождения наши... Жизнь у них стремительная слишком. На календари и не смотрят. Все бегом, бегом... Да и календарей у них теперь нету... По интернету живут.

— Мой Андрюша помнит! — уверенно произнесла Елена Ивановна и почему-то второй раз за день соврала — чего не сделаешь, чтобы показать своего ребенка в лучшем свете: — Вчера по скайпу созванивались. Сказал, что песню мне по радио заказал. Так что слушайте завтра в 19:00...

— И как это он с Германии песню здесь заказал? — засомневалась соседка.

— А я почем знаю. Нынешнее поколение не мы — все может. Информационные технологии!

— Ну, раз технологии, тогда с радостью песню послушаем! — искренне улыбнулась Светлана. — Вместе за праздничным столом и послушаем. Пойду я. А ты не болей больше, подруга! Все же хорошо! Если что — звони.

Светлана КРЯЖЕВА

ВОЗВРАЩЕНИЕ ОДИССЕЯ И ДРУГИЕ СОБЫТИЯ НА УЛИЦЕ ВОЛОХА

Рассказ

Добрые боги, какой вы мне день даровали. О, радость!
Слышу, как сын мой и внук мой друг с другом о храбости спорят!
Гомер. Одиссея

Поэма полнится стихами, а улица Волоха — вестями: кто, чего, кому, когда. Слух о том, что Кирюша Чаша все-таки женится, мгновенно распространился по всей округе от «Розочки» до «Кларочки», но более всего по его родной, дремучей от каштанов и лип улице Волоха.

В попыхах забегали, засуетились вездесущие обитатели хрущевок, всех соседних улиц, выныривающих из бывшего болота и взбирающихся в горку, аккуратно обрамляющих круглый, заполненный рыбешками и говорливыми городскими утками водоем с народным названием Мухля. Сигналом к заключению этого брака послужило серьезное событие — рождение тяжелехонького сынка, на четыре килограмма с гаком. И не столь важно, что суженая Кирюши, бойкая красотка Анька, еще не достигла совершеннолетия, что и являлось, откровенно говоря, камнем преткновения для более раннего срока заключения этого брака.

«Рано женишься — на своей, поздно — на чужой», — с англо-пуэрториканским акцентом мудро резюмировал весь словесный пересуд окружающих родной отец Кирюши — Илюша Чаша. Коренастый моряк в полосатой тельняшке и бермудах, добряк, заросший рыжей шерстью поверх кожи цвета копченой колбасы, вдруг круто стал дедом. Не прошло и года, как он возвратился из большого морского похода, окончившегося совсем как в кино — нападением пиратов и африканским пленом. Получилось так, что из семи лет отсутствия он последние два года провел в пленау, на каторге, в настоящих цепях, в диком африканском племени. И только благодаря тому, что цепи не позволили энергичному моряку в определенных заведениях потратить свои кровные деньги, ему удалось накопить солидную пачку долларов. Деньги, из расчета девяносто долларов в сутки, честно выплатил ему гуманный казначай племени, который когда-то, будучи еще студентом, проживал в Минске. Храня в душе идеалы студенческой юности, суровый, но справедливый африканец способствовал отправке белорусских мореходов из плена на родину. Радости родных и близких Илюши Чashi не было предела — уже и не чаяли свидеться!

Молодой переводчик

Совместный проект с Минским государственным лингвистическим университетом

Ульяна ЖИГАЛКО

студентка 4 курса
факультета английского языка МГЛУ

О себе

Родилась в 2002 году в городе Березе Брестской области. Особого интереса к языкам, честно говоря, не питала, но давались они еще со школы довольно хорошо. Больше нравилась литература. С удовольствием анализировала произведения писателей, замечала даже на первый взгляд незначительные детали, пыталась понять мотивы поведения и поступков персонажей — это то, что захватило и не отпускает по сей день.

Идея поступать в МГЛУ пришла после того, как однажды приехала на соревнования в Минск. По дороге из гостиницы в метро мы с мамой зашли в лингвистический университет. Помню, мама тогда сказала: «Да, это тот самый университет!» То есть мой. Мне почему-то сразу понравилась атмосфера в нем, а в особенности внимание привлекли витражи. А потом еще в моей жизни появились корейская музыка и дорамы. И тогда я уже окончательно решила, что обязательно поступлю в этот университет, где буду учить английский и корейский. И звезды сошлись так, что все получилось: сейчас я изучаю английский и корейский. Да еще и специализация у меня — «зарубежная литература». Изучаю все, начиная от эпитетов и метафор и заканчивая функциями заглавий. В общем, как и хотела.

С белорусским языком у меня отдельная история: раньше относилась к нему просто как к факту, что он есть, а год назад перешла и в повседневной жизни на белорусский язык. Теперь общаюсь с людьми, веду социальные сети исключительно на нем.

С радостью решила принять участие в совместном проекте «Нёмана» с нашим университетом «Молодой переводчик». Выбрала для перевода с белорусского один из рассказов замечательного поэта и прозаика Наума Гальперовича.

Наум ГАЛЬПЕРОВИЧ

СИРОТИНО

Рассказ

В детстве я очень любил новые слова. Мне нравилось их звучание, особенно когда не понимал их подлинного значения.

Помню, услышал, как соседка, тетя Геля, ругалась на кур: «Где ж вы бодялись, проститутки?»

Мне так понравилось это последнее слово, что я сразу, прибежав домой, выпалил своей трехлетней сестричке: «Где ж ты бодялась, проститутка?»

Алла СТРАШИНСКАЯ

Восемь понедельников

Это — не секта, не объединение феминисток, не посиделки любительниц почесать языками. Восемь понедельников подряд по завершении рабочего дня восемь женщин собирались вместе, чтобы... Сначала, чтобы помолчать. Не зря тибетские мудрецы утверждают, что истину можно отыскать только в тишине. Какую истину искали эти женщины? Каждая свою. Все они разного возраста, социального и семейного положения, разных темпераментов, с разными жизненными ценностными ориентирами. Но на время их объединила одна цель — стремление понять себя. Говорят, чего хочет женщина, того хочет Бог. Как жаль, что сама женщина порой не может определить приоритеты и понять, чего же она хочет. Жизнь подбрасывает одну проблему за другой, и в этом ворохе незавершенных дел, упущеных шансов, отложенных на потом желаний теряется истинный смысл нашего существования — то главное, ради чего мы приходим в мир.

Случайно заглянув в социальный центр под названием «Теплый дом» на курс самопознания, скоро почувствовала, что меня затянуло. Поразительно было замечать, как меняются пришедшие сюда женщины — не просто откровенничают, а находят в конце тоннеля неудач свет и уверенно на него идут, отметая напрочь все преграды.

Главное условие этого временного женского сообщества — конфиденциальность. За порогом помещения для встреч остались все анкетные данные: настоящие имена, фамилии, должности, места работы и жительства. При всех своих «регалиях» присутствовала на занятиях только психолог Оксана. Она указывала направления, делилась опытом самопознания, учила слышать себя, чувствовать свой организм, раскрывала основы самомассажа, медитаций и релаксаций.

«Познай себя» — гласит надпись на Дельфийском храме. Познать себя — жить в психологической совместимости с собственными желаниями, представлениями о счастье. Научившись ценить свою жизнь, уважая свой внутренний мир, человек научится уважительно относиться к остальным людям, к их выбору, их представлениям о счастье.

По завершении курса я решила написать об этом, пока уникальном опыте, поскольку многим женщинам сегодня крайне нужна подобная поддержка. Имена моих новых знакомых, разумеется, вымышленные. Не зная о своих героях ничего, кроме того, что они сами рассказали, я попыталась создать некий литературный опус исключительно интуитивного плана: как я их вижу, что о них думаю... Однозначно верно только одно: я их очень люблю, таких разных, в чем-то одинаковых, по-женски беззащитных, не по-женски мужественных. Может, кто-то из читательниц узнает в этих зарисовках и себя. И увидит свет в конце тоннеля, как и мои героини.

Наталья КАЗАПОЛЯНСКАЯ

История Анны К.

Вронский ведет себя по отношению к Анне безукоризненно.

Игорь Волгин. Игра в бисер

...вижу перепела, как этот щелкопер, которому только повеселиться.

Князь Щербаций о Вронском. Анна Каренина

Анна Каренина? Ей бы корову, а лучше две.

Из народного

Жизнь Анны Карениной, героини одноименного романа Льва Толстого, как известно всем в мире, закончилась трагически. Почему же все так произошло? Ответ на этот вопрос не перестают искать читатели романа. Помнится дискуссия литератороведов и представителей иных профессий в ток-шоу Игоря Волгина «Игра в бисер». На вопрос, кто виноват в том, что все так получилось, звучал ответ — никто... Просто так сложились обстоятельства...

Так уж ли и никто? С этим мнением никак невозможно согласиться. Потому как в романе есть герой, разрушивший жизнь Анны Карениной до такой степени, что она не нашла никакого иного выхода, кроме как броситься под поезд. Этот человек — блестящий офицер, красавец, богач, граф Алексей Вронский. И что более всего удивляет, так это то, что этого слона, а именно — его вины, не замечают многие читатели, даже такие интеллектуалы, как те, которые обсуждали роман в «Игре в бисер». Видимо, блестящий офицер Вронский так умел пустить пыль в глаза, что вовлек в свой обман не только Анну Каренину, но и многих читателей романа. Недаром автор дал ему фамилию Вронский,озвучную со словом «врать».

Кого же он обманул? Разве его любовь была ложью? Был ли он вообще в чем-нибудь виноват? Неужели не может молодой человек искренне и сильно влюбиться в красивую женщину, даже если эта женщина, к несчастью, замужем? Сколько таких случаев было и есть в литературе и в жизни? Разве не могло что-то подобное произойти и с нашим героям? Давайте разберемся.

Вот эпизод из романа, когда Вронский, влюбившись в Анну, едет вслед за ней в Петербург.

«Вронский ничего и никого не видел. Он чувствовал себя царем, не потому, чтоб он верил, что произвел впечатление на Анну, — он еще не верил этому, — но потому, что впечатление, которое она произвела на него, давало ему счастье и гордость.

Что из этого всего выйдет, он не знал и даже не думал. Он чувствовал, что все его доселе распущеные, разбросанные силы были собраны в одно и с страшною энергией были направлены к одной блаженной цели. И он был счастлив этим. Он знал только, что сказал ей правду, что он ехал туда, где была она, что все счастье жизни, единственный смысл жизни он находил теперь в том, чтобы видеть и слышать ее».

Владимир ДРАБО

По следам соотечественников

Владимир Драбо

Родился 1 марта 1953 года в деревне Острово Миорского района Витебской области.

В 1977 году окончил Могилевский машиностроительный институт по специальности «автомобили и автомобильное хозяйство» с присвоением квалификации инженера-механика. Работал на руководящих должностях автотранспортных организаций Республики Беларусь.

Работу всегда успешно сочетал с деятельностью в области экстремальных экспедиций.

Академик Арктической общественной академии наук (Санкт-Петербург; Россия).

Почетный полярник Российской Федерации.

Участник и руководитель более 30 арктических и антарктических экспедиций. Впервые в истории в автономном режиме достиг Южного полюса планеты на механическом транспортном средстве.

Биография Владимира Драбо внесена в Белорусскую спортивную энциклопедию.

Кто или что заставляет меня странствовать — путешествовать по всему свету — не знаю... Вот уже четыре десятка лет пытаюсь ответить самому себе на этот вопрос, пробую найти точку схождения реальности и вымысла... И все больше убеждаюсь, что истина остается где-то там, за линией горизонта, к которой меня постоянно влечет. Я иду к ней, сбивая в кровь ноги, напрягая все жилы, проводя в пути свои лучшие годы...

У всех нас свои дороги на этой Земле. Но дело, как писал великий О. Генри, не в дороге, которую мы выбираем, а в том, что внутри нас заставляет выбирать эту дорогу. У каждого человека есть свой Рубикон, перед которым он рано или поздно оказывается. Свой я перешел, будучи еще совсем молодым человеком, а пресловутая седина в бороде и сегодня не остудила во мне того юношеского пыла и задора, с которыми я рвался к местам далеким и суровым.

Меня неудержимо влечет на север и на юг, на заоблачные вершины, на скалистые берега бурных, порожистых горных рек, в тундру, в ледяную антарктическую пустыню... Тянет в чистоту аскетического, лишенного фальши и обмана экспедиционного бытия, откуда мы, путешественники-экстремалы,

выходим иными, чем были перед тем, как отправились в экспедицию. Так уж повелось: что-то приобретаешь на тернистом пути, что-то оставляешь. Наверное, там, на пройденных и еще не пройденных маршрутах, было и есть что-то настоящее, что позволяет нам чувствовать себя счастливыми, ради чего мы едем, летим, плывем, идем все дальше и дальше к той самой ускользающей границе земли и неба...

По Арктике, Антарктиде, горам, тайге и тундре на лыжах, пешком и на вездеходах пройдено более 40 тысяч километров. Общее время, проведенное мной в экспедициях, составляет около пяти лет.

Не могу не вспомнить добрым словом тех, кто путешествовал со мной, и тех, кто помог этим путешествиям и экспедициям состояться.

По материалам экспедиций сняты телефильмы «Путь к Южному полюсу», «Полярное кольцо», сериал «Неизвестная Арктика», «Доктор и командор», «600 миль под парусом», «Командор» и др. Первую книгу я написал и издал в 2001 году, конечно, об экспедициях. Она так и называлась — «АнтАрктика: хроника двух экспедиций». Позже написал такие книги, как «Арктика: по следам соотечественников», «Переход в другое измерение», «Письма старому другу» и др.

Со школьных лет, с первых уроков географии у меня (как, вероятно, у многих других) вызывали живой интерес имена на картах. Почему, за какие заслуги увековечили в названиях моря фамилию Лаптевых, огромный, тянущийся через всю Сибирь хребет получил имя Черского, отдельные мысы — Дежнева и Челюскина? Со временем, конечно, эти имена соотнеслись с реальными людьми, которые открывали неизведанные воды и земли, были их первыми исследователями.

А каким потрясающим открытием для меня стало то, что многие наши соотечественники или их предки родились на белорусской земле. Проходя маршрутами первооткрывателей-соотечественников, я всегда испытывал гордость за них, чувство сопричастности к содеянному ими и как бы разделял все перипетии и тяготы их пути.

Вместе с ростом уровня культуры, просвещения и национального самосознания у многих из нас появляется повышенный интерес к своим корням, к историческим событиям, к биографиям замечательных личностей — белорусов по происхождению. Духовная жизнь современного человека немыслима без исторического самосознания, интереса и уважения к своей истории. Невероятно много совершили белорусы для развития мировой цивилизации — по крайней мере, не меньше, чем представители других народов на нашей планете.

Белорусы одними из первых начали осваивать обширные пространства Сибири и Дальнего Востока, открыли истоки реки Лены и по ней вышли к берегам Северного Ледовитого океана. Среди сподвижников Ермака были славные литвины-белорусы. Уроженцы белорусских земель открыли Курильские острова, Аляску и Северную Землю в Арктике, впервые исследовали Байкал и Сахалин. Заложили Красноярск, отстроили Якутск и основали Анадырь, Хабаровск, Владивосток и Харбин.

Но почему мы говорим об этом сегодня, в XXI столетии? Исторические обстоятельства складывались так, что слов «белорус» и «белорусский» в биографиях исследователей слишком часто не звучали. Например, в Большой советской энциклопедии о нашем земляке Яне Доминиковиче Черском написано: «По национальности поляк». Но ведь он родился на Витебщине в семье белорусских дворян, православный, ни одного труда своего на польском языке не написал. Будучи в сибирской ссылке после восстания, пишет на родину

сестре Михалине из Иркутска: «Я тут зусім абрусеў і пачынаю забываць родную беларускую мову». И вдруг — «поляк по национальности»?!

Наука интернациональна, но вопрос о национальном наследии, о вкладе белорусского народа в европейскую и российскую историю науки и культуры, в развитие мировой цивилизации весьма актуален. Это чрезвычайно важно для пробуждения чувства национальной гордости белорусского народа.

Более двадцати лет я отыскивал и собирали материалы о наших знаменитых соотечественниках, о которых пишу новую книгу. Отрывки из нее я и предлагаю вашему вниманию.

Арктическая одиссея

Июньский день 1735 года выдался солнечным и теплым. Свежий ветер разевал Андреевский флаг с синим крестом на дубль-шлюпе «Якутск», небольшом паруснике, всего 21 метр в длину и около 5 в ширину. По бортам двухмачтового судна — 24 тяжеленных весла, высеченных из цельных бревен. В трюме — тесные кубрики для матросов, а на корме — маленькие каютки для капитана Василия Прончищева и штурмана Семена Челюскина; в команду входили также лекарь и иеромонах — «для врачевания телесных ран и душ человечьих». И на такой посудине разместилось более пятидесяти человек!

Проводить парусник в далекое и небезопасное плавание по Северному Ледовитому океану на берег Лены пришел весь Якутск. Команда прощалась, как и положено по статуту: салютовала из пушек — небольших медных фальконетов. Ветер далеко разносил громкое эхо салюта. Следом за парусником шли плоскодонные дощники с провиантом. Флотилия медленно поплыла вниз по Лене вдоль крутых и почти безлюдных берегов, ощетинившихся тайгой.

Возглавить экспедицию было доверено лучшему штурману Кронштадта, лейтенанту флота Василию Прончищеву. Фамилия его предков, возможно, происходит от названия правого притока Сожа — реки Прони, пересекающей нынешнюю Могилевскую область с севера на юг от Горок до Славгорода. Они покинули Могилевские земли, выехав к великому князю Ивану III, и были пожалованы поместьем в Тарусском уезде, где и родился в 1702-м Василий Прончищев. Род Прончищевых был внесен в родословную книгу Калужской губернии. Предки лейтенанта занимали при дворах царей должности стольников, окольничих, думных дворян и часто несли посольскую службу.

Василий Васильевич Прончищев учился в Навигацкой школе в Москве, потом в Морской академии в Петербурге.

В 1722—1723 годах принимал участие в войне Петра I с Персией на Каспийском море, потом плавал на судах в Балтийском море. В 1733 году Прончищев был назначен капитаном дубль-шлюпа «Якутск», досрочно в связи с этим получил звание лейтенанта флота — довольно высокое по тем временам в морской табели о рангах. Перед ним была поставлена весьма сложная задача — составить карту и описать берег Ледовитого океана от устья реки Лены до устья Пясины на северо-западе Таймырского полуострова. Впервые европейский человек должен был посетить самый северный берег Азии (теперь мыс Челюскина).

Незадолго до экспедиции, в 1733 году, капитан «Якутска» женился на своей землячке Татьяне Кондыревой из Тарусского уезда. С детских лет она жила в семье дяди в

Кронштадте, где ее повстречал Василий Прончищев. Найдена челобитная, в которой женщина подчеркивала, что мать и брат выдали ее замуж за лейтенанта Василия Прончищева «по ее воле». Эти три слова Татьяны несли в себе большой смысл, ведь тогда дворянских девиц выдавали замуж зачастую независимо от их желания. Татьяна Прончищева была моложе Василия на одиннадцать лет. Она не захотела расставаться с мужем, которого очень любила и добилась разрешения сопровождать его в экспедиции, став первой европейской женщиной — участницей полярного плавания. Это было весьма тяжелое испытание для молодой женщины, да и для всей команды.

Сначала пришлось пройти около 1800 километров по малоизвестной мугучей реке Лене. Через полтора месяца, 13 августа, «Якутск» достиг дельты реки, где матросы заготовили несколько бочек рыбы. Для выхода в Ледовитый океан пришлось сделать немалый круг — из многочисленных рукавов дельты проходной оказалась самая восточная, Быковская, протока. Отсюда начиналось плавание по неизвестному морю, полное трудностей, невзгод и лишений. Продвигаясь на северо-запад, в конце августа Прончищев встретил большие льды. Избегая их, «Якутск» держался берега, и 6 сентября судно вошло в устье Оленёка, где по случаю большой стужи и морозов решено было зимовать. Застучали топоры, из плавника и выкидного леса команда соорудила для зимовки две хатки. Для сохранения продуктов в мерзлой земле топорами высекли две землянки; в отдельный амбарчик сложили ядра, порох и вино. И жизнь, хотя и на краю земли, пошла по статуту военного лагеря. Команда, кроме часовых, занялась охотой: нужно было заготовить мяса к зиме. Но это занятие было небезопасным. Дикие олени уже пошли на юг, в тайгу, и охотиться можно было только на белых медведей, случайных волков и среди разводий — на моржей и тюленей. Это были серьезные звери против тяжеленных фузей охотников с трехгранными штыками, кремневые курки которых на морозе отказывали в самый опасный момент. Порох сбрагали под одеждой, чтобы, не дай бог, не отсырел, патроны держали за пазухой, пули... за щекой. Сметлив русский матрос — ни один из них не погиб в стычке со зверем.

20 сентября река стала, наступила полярная ночь, и до весны солнце не показывалось на горизонте, будто спряталось в глубинах промерзшей земли.

Питание моряков было налажено по петровским Морским правилам: горячее полагалось два раза в день и без разносолов — обычно солонина с кашей и сухари. Из напитков — горячий сбитень и по чарке водки в день; чай тогда даже офицерам был не по карману. Много ли наработаешь в стужу на одной каше, но, к счастью, спасало мясо, добытое охотой. А шкуры шли на пошив кухлянок, наподобие таких, как у аборигенов, потому как никакой теплой одежды ни матросам, ни офицерам тогда не полагалось. Суконные кафтаны и камзолы, на ногах — обычные башмаки, на голове — треуголка. И Прончищев, видя крайнюю бедность служивых, спешил пошить теплую одежду и обувь хотя бы для вахтенных и часовых.

К пришельцам стали приезжать из глубины тундры якуты и эвенки. Один из них подарил Василию Прончищеву большой золотистый камень, найденный в верховьях реки Анабара. В конце ноября, отправив посыльного в Якутск с рапортом начальнику экспедиции Витусу Берингу, Прончищев послал и этот подарок — показать знающим людям.

Как провели путешественники полярную ночь, можно только догадываться — в вахтенном журнале о трудностях ни слова, одни скромные записи: время, направление ветра, мороз (сильный или очень сильный), «нашли свежий

медвежий след», «пошла шуга»... Одно достоверно известно: штурман Челюскин нарисовал тушью первую карту Лены и части побережья до устья Оленёка. Карта до этого времени сохранилась, а на ней надпись: «Сочинена оная карта штурманом Семеном Челюскиным. Штурман Семен Челюскин». Тяжелее всех приходилось Татьяне, и только большая любовь придавала ей сил. Зимовка проходила почти успешно, но к началу нового 1736 года случилась беда. Только во сне видели люди овощи и кислую капусту, и у многих началась цинга. Больные сначала слабели, им хотелось спать, потом начинали пухнуть и кровоточить десны, зубы качались и выпадали, их мучили непонятные страхи. Заболели и Василий с Татьяной.

Участники белорусской полярной экспедиции у могилы Прончищевых

В начале июля вскрылся Оленёк, но на выходе в море еще долго стоял сплошной лед. Приближалась осень. Неужели им снова придется здесь зимовать? Льды все же разошлись, и 2 августа «Якутск» вышел в открытое море. На мачтах по такому случаю взвились разноцветные вымпели. Команда приоделась, и Татьяна сквозь слезы любовалась мужем.

Солнце почти не покидало небо, можно плыть хоть круглые сутки. Однако ветер шквальный, а рубки нет — рулевой и вахтенный стоят открытыми всем ветрам и непогодам. Прончищев стоял вахту до полного бессилия. С огромным трудом добрался до

каюты, но и в каюте не согреешься. Болезнь не отпускала, хотя свежего мяса теперь было вдосталь. Больных могла спасти от страданий морошка, что выспела в тундре, но «Якутск» спешил на север. И было не до ягод...

Берег до однообразия нудный, но ровный, без приметных ориентиров. Челюскин и геодезист Никифор Чекин только поспеваю наносить его на карту. Даже спустя полтора столетия мореходы будут пользоваться их чертежом. 4 августа дошли до устья реки Анабар, составили детальную карту Анабарской губы. При входе в Хатангский залив встретились большие льды, пришлось лавировать между ними «с великой опасностью». А когда ветер стихал и паруса зависали, течение выбрасывало судно на мель, а лед прижимал к берегу, угрожая раздавить. И тогда благодаря огромным и неу-

клюжим веслам удавалось как-то отталкивать льдины и выплывать на чистую воду. Дальше пошли места совсем

дикие, куда никогда не заходили кочевые оленеводы со своими стадами: тут не было корма для животных. Мертвая пустыня...

Только 14 августа, когда лед отнесло от берега, судно могло начать плавание и взять курс на северо-запад; в конце августа «Якутск» с трудом пробирался среди сплошных льдов мимо залива Хатангской губы. Вскоре экспедиция встретила на своем пути два острова, разделенных проливом в 1 милю; одному из них Прончищев дал имя Петра, другому — Самуила (в 1935 году переименован в острова Комсомольской Правды). Далее пришлось сменить курс на север, чтобы обойти сплошные льды у берегов. На льдинах видели много белых медведей, всюду попадались непуганые моржи и тюлени, а в проталинах веселились белухи — полярные дельфины длиной до шести метров и весом до одной тонны. Большой капитан ни на минуту не отходил от рулевого, не выпускал из рук подзорной трубы — следил за льдами, «которые все плотнее окружали судно». Продолжали плыть еще до вечера в самые глубокие льды, которым «и конца видеть не могли». Проталина впереди стала совсем узкой, и дубль-шлюп остановился. Положение стало небезопасным. В полночь у постели обессиленного капитана собрался совет. Прончищев приказал возвращаться назад: «Понеже льды в море лежат далече к северу и от севера к востоку, и льды плотные и густые, и обойти их и между ими пройти невозможно». С трудом развернулись на юг и подняли паруса, но они бессильно обвисли. Мороз крепчал, и проталина начала затягиваться льдом, угрожая захватить «Якутск» в плен. Боцман объявил аврал. Метр за метром ползли на веслах, уходя из ледяного пленя на чистую воду. Но капитан стал совсем плох. Татьяна, ухаживая за ним, сама валилась с ног. В обратный путь судно повел Челюскин.

Впервые на карту было нанесено около 500 километров побережья Таймырского полуострова. Никто до Прончищева не проходил в Арктике так далеко на север: «Якутск» не добрался до самой северной точки Азии только 40 миль, и все же впервые поднялся почти до 78° северной широты, находился у входа в пролив между Таймыром и Северной Землей. Исключительно туман помешал ему увидеть южный берег архипелага и мыс на северном берегу Таймыра, который позже получил имя Челюскина. Это стало событием величайшей важности в истории покорения Арктики. Рубеж, преодоленный Прончищевым, оставался недосягаемым на протяжении почти 150 лет и был преодолен известным шведским мореплавателем Адольфом Норденшельдом во время плавания на судне «Вега» лишь в 1879 году.

Обратный путь оказался не менее трудным: из-за безветрия «Якутск» шел на веслах. Неожиданно 3 сентября положение улучшилось: подул сильный северный ветер, и судно вместе со льдами понесло на юг. С попутным ветром под парусами добрались до устья Хатанги, но вход в реку был уже скован льдом. Пришлось плыть дальше на восток, и 8 сентября подошли к устью Оленёка. Совсем близко — спасительный берег, где есть люди, жилье, тепло, но целых 6 дней судно стояло напротив устья реки, сражаясь с сильным южным ветром и льдом. Команда была обессилена, и люди едва могли управлять веслами. Снасти и паруса замерзли. Прончищев был так слаб, что совсем не выходил из каюты. Наконец вошли в знакомую протоку и... чуть не сели на мель. «Откуда тут мель? — удивился Челюскин, — я же сам измерял дно в прошлом году». Встревоженный капитан буквально выполз из каюты: «Ветер с берега, Семен, согнал воду. Тут не пройдем, нужно проверить другие протоки. Боцман, готовь ялбот! Сам пойду». И спорить с ним было бесполезно: пока жив капитан, он отвечает за свое судно. Татьяна укутала его шею своим пуховым платком, матросы

Владимир Драбо

Василий и Татьяна Прончищевы

помогли спуститься в ялбот. Целый день на ледяном ветру в пургу искали дорогу для «Якутска». И когда затемно вернулись на судно, Прончищев сам подняться на борт уже не мог. Больше в сознание он не приходил и в восемь часов вечера 9 сентября скончался на руках жены. До последнего дыхания оставался он капитаном, ответственным за судьбу своей команды.

А ветер не унимался еще четыре дня, днем и ночью заупокойно завывая в обледенелых снастях. Густо валил снег, и все эти дни Татьяна, окаменевшая, просидела возле тела мужа. Приспущененный флаг на «Якутске» говорил о беде, которая постигла экспедицию. Командование отрядом принял Семен Челюскин. Наконец ветер ослабел, и обледенелому «Якутску» удалось войти в Оленёк и прижаться к прошлогоднему зимовью.

На высоком правом берегу реки в мерзлой земле три дня рубили топорами могилу. Отважный начальник экспедиции лейтенант Прончищев был похоронен 17 сентября 1736 года, и «при том погребении были унтер-офицеры и солдаты. Были в ружье и амуниции двадцать четыре человека, и при погребении была пальба три раза». Ружейный залп, впервые раздавшийся в этом пустынном углу Арктики, проводил первого исследователя Северного морского пути.

А через пять дней Челюскин сделал в шканечном журнале новую скорбную запись: «В начале сего 4 часа пополуночи бывшего команда дубль-шлюпки

Село Усть-Оленёк

«Якутска» Прончищева волею божьей жена его умре». Татьяна Прончищева, стойко переносившая все тяготы и невзгоды экспедиции, не пережила потерю мужа. Ее похоронили рядом с ним с воинскими почестями.

Две одинокие могилы, обозначенные крестами, долгое время оставались в неизвестности. Только в 1875 году ссыльному геологу из белорусского Полесья Александру Чекановскому, участнику восстания 1863 года, удалось найти их — следы надписей на крестах были еще приметны. В 1893 году известный полярный исследователь Эдуард Толль также побывал на могиле Прончищевых и обновил надпись: «Герою и геройне Прончищевым». У якутов это место захоронения отважных путешественников известно под названием Улакан-крест (ныне южная окраина поселка Усть-Оленёк). Академик Карл Бэр писал в середине XIX столетия: «Съемка северного берега Сибири, где еще не появлялся секстан, составляет одно из величайших, если не величайшее, географическое предприятие».

Имя Василия Прончищева носят один из мысов Таймырского полуострова (на восток от мыса Челюскина), озеро на Таймыре, весь восточный берег Таймыра (берег Прончищева) и горный кряж около устья Оленёка. Имя первой в истории полярной путешественницы Татьяны Прончищевой присвоено бухте на восточном побережье Таймыра, открытой во время плавания «Якутска» (на картах она ошибочно обозначена как бухта Марии Прончищевой), небольшому полуострову и современной полярной станции на Таймыре.

Только тот, кто знает неприветливые берега Ледовитого океана и знаком с суровой природой Крайнего Севера, может понять, какого величайшего напряжения духовных и физических сил потребовал подвиг Василия Прончищева. XVIII столетие — эпоха дерзких походов и новых географических открытий, а над всем этим — история великой любви Василия и Татьяны Прончищевых.

Белорусские колумбы

В конце XIX века возросла роль сибирских рек Енисея и Оби как связующего звена Крайнего Севера с Транссибирской железнодорожной магистралью. Строительство дороги, связывающей европейскую часть России с Дальним Востоком, было начато от Челябинска в 1891 году и завершено спустя 25 лет (1916). В связи с этим Главное гидрографическое управление Морского министерства направило в мае 1894 года экспедицию для исследования Карского моря. Во главе экспедиции был поставлен самый опытный российский гидрограф-геодезист Андрей Ипполитович Вилькицкий (1858—1913).

Шляхтич Андрей Вилькицкий родился в Борисовском уезде Минской губернии. Окончил Морскую академию в Петербурге (1880), специализируясь в гидрографии, и прошел специальный курс астрономии и геодезии в Пулковской обсерватории. Преподавал в Морской академии и занимался научно-исследовательской работой, которую начал с изучения Балтийского моря и Онежского озера. В 1887 году возглавлял научную экспедицию на Новую Землю, где проводил гравитационные наблюдения. Когда он доложил предварительные результаты своих исследований, географическое общество присудило Вилькицкому почетную награду — малую золотую медаль, а после обработки материалов в 1891 году его удостоили высшей награды — золотой медали имени основателя общества Ф. П. Литке.

В 1894—1901 годах экспедиция под руководством Вилькицкого на пароходе «Лейтенант Овцын» впервые провела обширные гидрографические работы на побережье

Северного Ледовитого океана — от границ Норвегии до устья Енисея, в Енисейском заливе и Обской губе, в южной части Карского моря. Были составлены подробные карты изученных районов, включая пролив Югорский Шар, Печорскую губу, побережья Баренцева и Белого морей.

Андрей Вилькицкий

Три года продолжалась эта экспедиция, выполнив громадный объем работ. Современники вначале и верить не хотели, что это возможно. Было составлено впервые подробное описание Енисейского залива. Был обнаружен глубоководный фарватер, который позволял морским судам подниматься вверх по реке на расстояние в 1000 километров, уточнен ряд карт, предложены практические рекомендации для плавания в этих районах. Результаты работ экспедиции Вилькицкого не замедлили сказаться. Уже в 1897 году в устья Оби и Енисея прошел караван из 12 судов, на одном из этих судов совершил переход через Карское море адмирал Степан Макаров.

Экспедиция установила, что крупные морские суда могут заходить в Енисей на 350 верст от океана, до нынешнего порта Игарка. Благоприятное впечатление на Вилькицкого произвело село Обдорск на правом берегу реки Обь, у Северного полярного круга (с 1933 года город Салехард), которое тогда насчитывало 800 коренных жителей, 30 домов, 2 церкви и... 150 торговых лавок. Ученый пишет: «На Обдорскую ярмарку стекаются самоеды с самых далеких окраин, даже из Туруханского края». В этот период население Обдорска возрастало до нескольких тысяч человек. Русские торговцы (преимущественно из Тобольска) привозили муку, сукно, железные и медные изделия, вино, табак и украшения, получая взамен меха, рыбу, птичье перо, мамонтовую кость, моржовые клыки.

Вилькицкий основал в Обдорске рыбопромышленную школу. Он установил, что вход в Обь океанских судов невозможен из-за мелководности, и отыскал удобную бухту, которая впоследствии стала использоваться для перевалки грузов с морских на речные суда, причем в 1901 году Вилькицкий успешно провел караван из 22 кораблей из Мурманска в Енисей.

Пытливый исследователь обращал внимание на природу, хозяйство и быт местных жителей. Проплыв по Енисею, Вилькицкий впоследствии писал: «На всем пространстве от Енисейска до взморья не более 7000 жителей, расселившихся около берегов, ближайших к Енисейску; у Туруханска же наиболее населенные деревни имеют не более 70 душ, а затем идут уже селения большей частью в одну или две семьи. Жители отличаются поразительной привязанностью к месту». Он пишет о природе, жилищах, быте и занятиях коренных жителей, их верованиях, торговле с местными купцами. В своих заметках он отмечает: «У самоедов жена пользуется большой любовью и уважением, и любят

они своих жен нежно и благоразумно. И все эти племена отличаются большой любовью к своим детям». Или: «Типы лиц у каждой народности разные, и если присмотреться, то они существенно различаются, но для нас единственным способом отличать их — было прямо спросить: кто ты?». И не без юмора добавляет: «Этим же способом отличали мы мужчин от женщин». Его научные описания сопровождаются лирическими отступлениями: «Трава была в полном цвету, но в две недели она уже успела отцвести и поблекнуть, производя своим ускоренным цветением такое впечатление, что она как бы понимает, сколь скоротечно лето в этих широтах, и спешит им воспользоваться для своего размножения». Подобные зарисовки свидетельствуют о том, что Вилькицкий был не просто начальником экспедиции, который отсиживался в капитанской каюте, а любознательным исследователем сурового полярного края.

Долгие годы его связывала крепкая дружба с соотечественником — руководителем геодезического отделения Академии Генштаба генерал-лейтенантом Василием Витковским (1854—1924), чьи учебники «Топография», «Практическая геодезия» и «Картография» — гордость русской геодезической литературы.

В 1907—1913 годах генерал-лейтенант корпуса флотских штурманов Андрей Вилькицкий возглавлял Главное гидрографическое управление России. И когда вопрос освоения Северного морского пути стал актуальным, он представил в правительство проект создания ледокольного флота, поддержаный Русским географическим обществом. В 1908 году на верфях Невского судостроительного завода были заложены два ледокола — «Вайгач» и «Таймыр» водоизмещением 1200 тонн каждый.

Они были хорошо оборудованы для проведения широкого комплекса научно-исследовательских и гидрографических работ. Так, например, установленная на них радиотелеграфная аппаратура позволяла держать устойчивую связь на расстоянии 150 миль, что для тогдашнего уровня радиотехники было весьма приличным.

Вилькицкий был единственным из высокопоставленных чиновников Морского ведомства, кто поддержал лейтенанта Георгия Седова, готовившего экспедицию к Северному полюсу. Вилькицкий всегда отстаивал идею развития Северного морского пути. И поскольку эта сложнейшая трасса была им изучена только от Мурманска до устья Енисея, он принимает решение начать исследования от Берингова пролива до Енисея. Местом базирования первых российских ледоколов был определен Владивосток. В 1910—1911 годах был обследован участок морского пути между Беринговым проливом и бухтой Амбарчик в устье реки Колымы. Затем Вилькицкий поставил перед экспедицией задачу продолжить эту работу на запад до бухты Тикси в море Лаптевых и далее до полуострова Таймыр. Завершить экспедицию было задумано сквозным плаванием вокруг Скандинавского полуострова до Петербурга. В июне 1912 года ледоколы «Вайгач» и «Таймыр» покинули Владивосток и спустя месяц, миновав Берингов пролив, вышли в Чукотское море. Но осуществить сквозное плавание из Владивостока до Архангельска удалось лишь в 1915 году, когда Вилькицкого уже не было в живых.

26 февраля 1913 года Андрей Ипполитович Вилькицкий завершил свою земную жизнь. За несколько дней до его безвременной кончины он был произведен в чин полного генерала флота.

Андрей Вилькицкий оставил в наследство не только свои труды, но и блестящую плеяду единомышленников, среди которых был и его сын — Борис Андреевич

Борис Вилькицкий

Вилькицкий (1885—1961). Под его руководством и была завершена начатая экспедиция.

Большое значение для русского флота имела организационная работа Андрея Вилькицкого по обеспечению безопасного мореплавания (организация в Морском ведомстве особого корпуса гидрографов, издание новых морских карт, строительство маяков, совершенствование мастерской мореходных инструментов). Русское географическое общество наградило Вилькицкого двумя золотыми медалями. Основной его опубликованный труд — «Северный морской путь». Именем Андрея Вилькицкого названы открытый им остров в Карском море, к северо-востоку от Обской губы (1896), остров в Новосибирском море, а также мыс и залив на Новой Земле.

Его сын Борис Вилькицкий закончил в Петербурге Морское училище (1903) и начал службу в Порт-Артуре; участвовал в русско-японской войне, за боевые заслуги был награжден несколькими орденами. После войны закончил гидрографическое отделение Военно-морской академии (1908). В 1913—1915 годах возглавил гидрографическую экспедицию на суднах «Таймыр» и «Вайгач» с целью освоения Северного морского пути. После экспедиции имя Бориса Вилькицкого стало известно всему миру и вошло в летопись истории освоения Арктики. Капитан 2-го ранга 28-летний Борис Вилькицкий начинал ее как командир «Таймыра», но в связи с внезапной болезнью уже нового начальника экспедиции генерал-майора корпуса флотских штурманов Ивана Сергеева был назначен руководителем. Таким образом, случай поставил Бориса Вилькицкого во главе экспедиции, но ее последующие успехи не были случайными. Они в немалой степени обусловлены грамотными действиями молодого начальника. Вилькицкий смело пошел на раздельное плавание судов «Таймыр» и «Вайгач» даже вне зоны радиосвязи. Решительные, а подчас и рискованные нововведения сразу же принесли удивительные открытия.

В задачу экспедиции входило не только пройти великим Северным морским путем с востока на запад (из Владивостока в Архангельск), но и исследовать северное побережье Азии. Когда суда шли вдоль северо-восточного побережья Таймыра и впереди уже отчетливо был виден мыс Челюскин, путь преградили непроходимые льды. Пошли на норд вдоль неподвижной кромки льда, и это было правильное решение, результатом которого явилось крупнейшее географическое открытие: сквозь туманную завесу открылась заснеженная земля с высокими горными хребтами. Она была отделена от мыса Челюскин на Таймыре узким проливом шириной приблизительно 25—30 миль.

На нехоженную землю впервые ступила нога человека, и первым по праву на нее взошел исследователь с белорусскими корнями Борис Вилькицкий. Участники экспедиции провели астрономические наблюдения и подняли русский

флаг. Это событие стало самым крупным географическим открытием начала века, ведь всем казалось, что на нашей планете уже давным-давно известны все большие земли.

Царским указом ей было присвоено название Земли Императора Николая II, и только в 1926 году советские власти переименовали ее в Северную Землю.

Экспедиция Вилькицкого открыла не только Северную Землю, но и остров Старокадомского (назван в честь врача на «Таймыре») и Малый Таймыр, остров Жохова в районе Новосибирских островов, обнаружила ряд более мелких островов у берегов Северной Земли, описала южное побережье этого архипелага и в сентябре 1915 года в Архангельске завершила беспримерный в истории переход по Северному морскому пути с востока на запад, осуществив первое сквозное плавание из Владивостока в Архангельск. Экспедиция собрала обширный научный материал по гидрографии и картографии, океанографии и метеорологии, биологии. За эти труды Борис Вилькицкий был награжден Константиновской медалью Русского географического общества и золотыми медалями географических обществ Франции и Швеции.

На мысе Челюскина, позади участников экспедиции — пролив Вилькицкого

После революции 1917 года Борис Вилькицкий перешел на работу в Главное гидрографическое управление, где принял самое активное участие в организации дальнейших исследований арктических морей с целью создания транспортной магистрали по всему Северному морскому пути, с гидрометеорологическим и авиационным обслуживанием. Летом 1918 года в Архангельске первая советская Гидрографическая экспедиция по Ледовитому океану во главе с Борисом Вилькицким готовилась выйти в море, но англо-французская интервенция нарушила планы. Все суда, имущество и личный состав экспедиции

попали в руки интервентов. Так в начале 1920 года Вилькицкий оказался в Англии и на протяжении многих лет работал гидрографом в Конго. Похоронен он вдали от родины в 1961 году в Брюсселе (Бельгия). Именем Бориса Вилькицкого названы пролив между Северной Землей и полуостровом Таймыр, группа островов в Восточно-Сибирском море (к востоку от Таймыра) и самый крупный остров в этой группе.

После распада СССР вопрос о перезахоронении праха Бориса Вилькицкого неоднократно поднимался в российской прессе. Тем более от его дальних родственников было известно, что он давно мечтал быть похороненным в родной земле. Несколько раз писал об этом писатель-маринист Николай Черкашин. Он побывал в Брюсселе, с трудом нашел могилу Вилькицкого и выяснил, что истекает срок аренды могильного участка. Родственников или знакомых, которые могли бы внести плату за аренду, уже не было. Возникло опасение, что могила Вилькицкого будет уничтожена. Черкашин обратился к властям, и его призыв «...неужели ему, прираставшему России целую землю, не хватит на Родине двух положенных каждому смертному могильных квадратных метров?» был услышан. В 12 часов дня 20 ноября 1996 года на Смоленском кладбище Санкт-Петербурга началась торжественная церемония перезахоронения праха Бориса Андреевича Вилькицкого. Было все: и выступления высоких официальных лиц, и оркестр, и торжественное прохождение моряков после того, как под оружейный салют гроб с останками моряка-первоходца был опущен в родную землю. Борис Андреевич Вилькицкий нашел вечный покой рядом со своим отцом и младшим братом.

20 декабря 2002 года в Санкт-Петербурге у дома № 96 по набережной канала Грибоедова в торжественной обстановке была открыта памятная доска в честь отца и сына Вилькицких.

Отец якутской литературы

Когда в семье обедневшего шляхтича Карла Пекарского 13 октября (25 октября по новому стилю) 1858 года родился мальчик, которому дали имя Эдуард, вряд ли кому-то могло прийти в голову, что он станет автором «Словаря якутского языка». Однако именно этим Эдуард Пекарский и прославился. Его путь к вершине оказался весьма тернистым. Эдуард Пекарский рано остался без матери и воспитывался у чужих людей, причем не раз менял семьи, прежде чем оказался у своего двоюродного деда Ромуальда Пекарского. Тот жил на Полесье, и Эдуарду Пекарскому пришлось сменить имение Петровичи Игуменского уезда (сейчас это Червенский район) на Мозырщину. Учился в мозырской гимназии, а когда ее преобразовали в шестилетку, уехал доучиваться в Минск, к своей тете. Здесь он впервые услышал о восстании Кастуся Калиновского и познакомился с произведениями Адама Мицкевича. Через некоторое время Эдуард Пекарский перевелся учиться в Таганрог. Именно в этом городе началась важная глава в жизни молодого человека, которую можно назвать революционной. Он примкнул к подпольному кружку, участники которого читали нелегальную литературу. Впоследствии Эдуард Пекарский еще не раз будет менять учебные заведения, но от идеи бороться с царским режимом не откажется. Весной 1877 вместе с товарищами он покинул 7 класс Черниговской гимназии, чтобы идти в народ. Осенью этого же года поступил в Харьковский ветеринарный

институт, откуда его исключили за участие в студенческих волнениях.

Эдуард Пекарский избежал ареста лишь благодаря тому, что успел перейти на нелегальное положение. Его исключили из института без права поступления в высшие учебные заведения и заочно приговорили к ссылке в Архангельскую губернию. С конца 1878-го по август 1879-го ему удавалось успешно скрываться, работая волостным писарем и ведя пропаганду среди крестьян. Однако в итоге Эдуарда Пекарского все же арестовали. Помимо нелегальной литературы, у него изъяли поддельный паспорт на имя Николая Полунина. В ходе следствия, длившегося более года, была установлена его принадлежность к обществу «Земля и воля». Суд вынес Эдуарду Пекарскому суровый приговор — 15 лет каторжных работ. Однако его решили смягчить, «принимая во внимание молодость, легкомыслие и болезненное состояние» обвиняемого. В результате каторга была заменена на поселение в Сибири. Так уж распорядилась судьба, что из всех «отдаленных мест» этого бескрайнего региона выбор губернатора Якутской области пал на 1-й Игидейский наслег Батурунского улуса. Ныне это Таттинский район Якутии.

Если у Эдуарда Пекарского сперва и были хотя бы какие-то иллюзии по поводу того, куда его отправляют, то они наверняка быстро развеялись. Как признавался будущий лингвист в письме к отцу, без помощи местных жителей он, скорее всего, просто умер бы от голода. Якуты помогли ему обзавестись коровой, конем, привозили лед и дрова, выделили пахотную и покосную земли. В результате, для того чтобы просто выжить, Эдуарду Пекарскому пришлось освоить якутский образ жизни: завести огород, научиться сеять хлеб, косить сено, управляться со скотиной, ловить рыбу, охотиться и т. д.

Условия, в которых оказывались политссыльные в Якутии, были настолько тяжелыми, что многие из них умирали от истощения, сходили с ума, кончали жизнь самоубийством.

Товарищ Пекарского Александр Бовбельский повесился. А друга Пекарского Петра Алексеева, который жил неподалеку, убили зажиточные соседи, позарившись на его деньги.

Сошел с ума и умер краевед Иван Худяков, который собирал якутский фольклор. Та же участь постигла ссыльного Алексея Сиракова. Александр Павлов, петербургский рабочий, застрелился.

Благодаря слепому старику Очокуну, знакомившему Пекарского с обиходными якутскими словами, молодой ссыльный стал живо интересоваться якутским языком, изучение которого стало его настоящим призванием.

Считается, что к созданию своего легендарного слова-ря его подтолкнула статья в газете «Неделя», где утверждалось, будто бы в якутском языке всего три тысячи слов. Эдуард Пекарский прочитал ее в 1885 году. Ему потребовалось

Эдуард Пекарский

не так много времени, чтобы собрать семь тысяч слов. В 1930 году, когда работа над многотомным изданием наконец подошла концу, эта цифра увеличилась до 25 тысяч слов.

Второе издание словаря якутского языка состоит из трех солидных томов, которые вмещают уже около 38 тысяч слов. На то, чтобы достичь такого впечатляющего результата, у Эдуарда Пекарского ушло четыре с половиной десятилетия.

В этот временной промежуток уместилось столько событий, что хватило бы на несколько жизней. В поисках материала для своего словаря Эдуард Пекарский побывал в нескольких якутских улусах. Причем очень скоро он стал записывать не только отдельные слова и выражения, но и местный фольклор. Огромную помощь в сборе словарного и фольклорного материала оказали местные жители, знатоки устного народного творчества, грамотные люди из числа первой якутской интеллигенции и товарищи Пекарского по ссылке.

Как признанный знаток материальной и духовной культуры якутов Пекарский участвовал в Якутской этнографической экспедиции 1894—1896 годов, снаряженной на средства золотопромышленника Иннокентия Сибирякова, ставившей задачей всестороннее исследование Якутской области. Эдуард Пекарский совместно с Иваном Майновым разработал обширную «Программу для исследования домашнего и семейного быта якутов» и руководил работой сотрудников по этой программе, занимаясь параллельно подготовкой словаря к печати.

В 1903 году, будучи членом Нелькан-Аянской экспедиции Владимира Попова, Пекарский изучал жизнь и быт приянских тунгусов (эвенков) и собирая этнографические коллекции для Русского музея в Петербурге; результаты этих исследований вышли отдельной книгой.

Следует учитывать, что на тот момент у якутского языка не было устоявшейся письменной традиции, так что неутомимый ученый во многом способствовал ее созданию. Однако знакомство с жизнью простых жителей привело к тому, что Эдуард Пекарский принял отстаивать их права. Как видим, революционная закваска никуда не делась — просто его деятельность приняла несколько иное направление. Эдуард Пекарский начал с того, что помогал якутам составлять официальные прошения и фактически представлял их интересы в суде. В 1899 году он добился того, что в Игидейском наслеге, где он жил большую часть времени, был проведен передел земли. Благодаря этому многие бедняки получили собственные участки.

Все же главным интересом ученого оставалось создание «Словаря якутского языка». Когда в 1895 году, отбыв наказание, он получил разрешение вернуться в европейские губернии, Эдуард Пекарский им не воспользовался. Ведь это означало бросить то, что стало делом его жизни. Он упорно, не щадя здоровья, продолжал обработку огромного скопившегося у него словарного материала. С 1897 года началось печатание первого выпуска словаря в Якутской областной типографии на средства Иннокентия Сибирякова.

Точнее будет сказать так: первый выпуск (первая часть словаря, всего таких частей-выпусков будет 13) был закончен печатанием в 1899 году, а дальше дело застопорилось из-за отсутствия средств, пока за него не взялась Академия наук в Санкт-Петербурге. В 1904 году Эдуарду Пекарскому было предложено выслать переработанный вариант первого выпуска словаря. Результат, видимо, насколько впечатлил ученых мужей, что в 1905 году благодаря помощи

Дмитрия Клеменца и Василия Радлова Пекарский получил разрешение переехать в столицу, которая до этого была для него закрыта.

Анатоль ЗЭКОВ

Тайна двух дней рождения и близкие родственники

Рецензия на книгу Змитрока Морозова «Радзіма, радзіна, рабіна мая»

Стоит лишь назвать имя Змитрока Морозова, как ценители белорусской поэзии, пожалуй, в один голос скажут: «Это он написал первый в славянской литературе венок венков сонетов». Замечу без преувеличения: создать подобное под силу только настоящему мастеру. Форма венка сонетов требует необычайной филигранности и, как это ни странно звучит, четкого математического расчета. А здесь — венок венков, где последний, пятнадцатый венок, составляют магистрали всех предыдущих. Однако отождествлять имя Змитрока Морозова исключительно с сонетами было бы неправильно. Он — автор более тридцати книг поэзии и прозы для взрослых и детей.

Книга «Радзіма, радзіна, рабіна мая», недавно вышедшая в издастельстве «Конфидо», стоит как бы особняком (кстати, отрывок из нее в переводе с белорусского Петра Жолнеровича печатался в № 11, 2023 журнала «Нёман»). Это щемящий рассказ автора о своем роде, о близких людях. «С чего начать?.. — обращается к себе автор. — Начну с детства»¹. И сразу же вносит ясность о двойной дате своего рождения: по факту — 30 сентября 1953 года, по паспорту — 2 января 1954-го. Почему такое большое расхождение? Дело в том, что гребля от деревни Языбы в нынешнем Крупском районе, где родился будущий поэт, к Дубовскому сельсовету той осенью была настолько размыта из-за дождей, что добраться туда стало возможно, когда ударили крепкие морозы. Сельсоветский писарь, по предположению автора, хорошо принял в новогоднюю ночь на грудь и вывел в метриках дату приезда родителей в сельсовет, омолодив Змитрока Морозова на несколько месяцев.

А дальше автор книги приводит три самых ранних эпизода, сохранившихся в его памяти: как подпевал матери песню «Ой, рябина кудрявая» и соседка прочила ему карьеру певца; как топором искалечил на ноге пальцы; как присматривал за младшим братом и решил полечить его таблетками, которые нашел

¹ Здесь и далее цитаты в переводе Анатоля Зэкова.

дома, — чтобы не плакал. Эти эпизоды — своеобразный пролог к дальнейшему повествованию.

С какой теплотой и нежностью Змитрок Морозов вспоминает бабушек Анисью и Домну, дедушек Василя и Павлюка. Автор не только рассказывает про их непростые судьбы, но и как будто говорит с ними, просит житейского совета. Дедушка Василь, как сообщили бабушке, в Великую Отечественную войну пропал без вести при освобождении Польши. «До сих пор не могу без слез смотреть на портрет усатого сержанта с мужественным лицом, с пронзительным и вместе с тем теплым взглядом из-под густых черных бровей. Кажется, что дед Василь спрашивает меня: “Ну, как тебе живется, внучек? Не вешай носа, мы с тобой еще повоюем!”» И, взгляดываясь в этот пожелтевший от времени портрет, который висел в бабушкином доме на самом видном месте, автор сам себе говорит: «Дорогой мой дедушка, для меня ты не пропал без вести. Пока я помню, ты живой...»

Бабушка Анисья знала много сказок. «Длинными зимними вечерами, — вспоминает Змитрок Морозов, — неторопливо, рассудительно и с соответствующей интонацией, которой могли бы позавидовать современные «теленяни», она рассказывала мне о Курочке Рябе, Золотой Рыбке, Иване-царевиче и Царевне-лягушке, ковре-самолете...» Особенно внуку нравилась сказка о прекрасной горошинке, которая выросла до самого неба. Нередко перед сном, когда уже слипались глаза, мальчик просил еще раз рассказать эту сказку. В ответ бабушка недовольно ворчала: мол, сколько можно повторять одно и то же, — и все же через минуту-другую начинала свою, как всегда, неторопливую историю. А на улице Змитрок пересказывал бабушкины сказки сверстникам, выставляя себя самого героем то одной, то другой. Возможно, тогда и проклонулись в душе, как признается сам писатель, первые росточки, которые спустя года превратились в стихи, сонеты, поэмы, венки сонетов, книги для детей и взрослых.

Вспоминает Змитрок Морозов и родословную по материнской линии. Дед Павлюк воевал на Первой мировой войне, был кавалеристом. А уже в немолодом возрасте забрали и на вторую — Великую Отечественную, с которой вернулся лишь спустя год после Победы. Бабушка Домна пережила военное лихолетье одна с четырьмя детьми на руках: двумя, нажитыми со своим Павлюком, и двумя от его первой жены, которая умерла. Особенно трогательный эпизод, услышанный Змитроком от матери: когда на их Балбечено налетел вражеский самолет, корова с перепугу сорвалась и побежала в чистое поле, а за ней, невзирая на град пуль, с криком помчалась Домна. В эти минуты она думала только об одном: спасти свою Чернушку-кормилицу. Не в этом ли материнское самопожертвование для спасения от голодной смерти детей?

Начав повествования с дедушек и бабушек, Змитрок, как по ступенькам, переходит к рассказу об отце и матери. Первый абзац об отце начинает с прощания с ним: «Последним пожеланием моего отца было, чтобы после смерти его помыли в бане именно мы — трое его сыновей». Отцовский наказ парни так и не выполнили: отговорили многочисленные родственники: «Мол, нарушим деревенскую традицию. Зачем лишние разговоры, когда и без того слез полная изба». Прошло не одно десятилетие, а Змитрака и сегодня мучает мысль: не выполнил отцовский наказ. Кстати, отец был мастер на все руки — не было в

деревне такого ремесла, каким бы он не владел. Да и сыновей своих — Димку, Гришку и Сашку — с детства учил и за плугом, и с косой, и пилить, рубить на зиму дрова... А мать, учительница математики, а потом и завуч школы, поручала

делать всю женскую работу: убирать в доме, сушить сено, полоть грядки, рвать крапиву, осот и лебеду для домашних животных, с наступлением весны собирать первый щавель.

Особенная ценность этой книги — письма матери, которые сохранил Змитрок Морозов. Они публикуются впервые. По сути, это отдельная повесть, своеобразная летопись непростой деревенской жизни. Мать рассказывает о своих крестьянских хлопотах, сообщает о деревенских новостях (где горел коровник, кто поступил в институт), тревожится о здоровье сына и его семьи, интересуется учебой внучек и дает им наставления.

Пожалуй, самыми трогательными являются воспоминания о жене Татьяне, с которой они душа в душу прожили почти сорок пять лет. Последние девять месяцев, когда она страдала от онкологии, любящий муж не отходил от ее постели, всячески подбадривал.

Змитрок Морозов ни в чем не фальшивит, никак не приукрашивает своих родственников. Честно описывает любовные похождения дядьки-многоженца Федора, который, перебираясь в примы от одной женщины к следующей, так и не нашел своего счастья. «На чужое хозяйство батрачишь, как вол, да ни одна хозяйка тебя почему-то не прописывает, — признался как-то племяннику дядька. — Если бы я знал, что и дом, и сарай, и все, что на дворе бегает и летает, тоже мое, то, может, и подумал бы, как налаживать свою жизнь дальше».

Автобиографичное повествование Змитрока Морозова органично дополняет блок фотографий из семейного альбома — живых, теплых, радостных.

Вряд ли стоит упрекать автора в том, что некоторые страницы написаны анкетной скороговоркой. Действительно, о ком-то из родственников в книге больше сведений, о ком-то — меньше, но, думаю, память писателя сохранила еще многое, и, возможно, со временем автор дополнит семейную летопись. Просто, по признанию самого Змитрока Морозова, он спешил запечатлеть хоть что-то для своих наследников — дочерей Олеси и Ларисы, минских внучек Маши и Маргариты и белорусских англичанок Мили и Эли, для других родных и близких ему людей.

Но книга написана не только для родственников. Думается, ее с интересом прочитают и те читатели, которые с автором не знакомы. Ведь эссе — это не только личная история, но и общая для нескольких поколений белорусов. Во многих семьях переживали похожие радости и горести. Возможно, «Радзіма, радзіна, рабіна мая» подвигнет кого-то из читателей записать историю своей семьи. Чтобы знали и помнили о делах и мечтах наших близких и далеких предков.

Авторы номера

ПРИГОДИЧ Зиновий Кириллович. Родился в 1944 году в деревне Лыще Пинского района Брестской области. Окончил факультет журналистики Белорусского государственного университета. Прозаик, публицист. Автор более сорока художественных и документальных книг. Лауреат Национальной премии Беларуси, премии Федерации профсоюзов Беларуси. Заслуженный деятель культуры Республики Беларусь. Живет в Минске.

ГУРИНОВИЧ Федор Федорович. Родился в 1950 году в деревне Кривичи Солигорского района Минской области. Окончил факультет журналистики Белорусского государственного университета. Автор ряда книг поэзии и прозы. Лауреат Литературной премии имени Янки Мавра. Живет в Солигорске.

ВОЛЧОК Наталья Владимировна. Родилась в 1975 году в городе Минске. Окончила Белорусский государственный медицинский институт. Автор книг поэзии и прозы. Живет в Минске.

ВОРОНОВА Людмила Викторовна. Родилась в 1962 году в деревне Золотеево Зельвенского района Гродненской области. Окончила исторический факультет Белорусского государственного университета, факультет культурологии Республиканского института высшей школы при БГУ. Поэт, прозаик. Автор-исполнитель в жанре авторской песни. Автор ряда сборников стихов и песен. Лауреат многих республиканских и международных литературных премий. Живет в Минске.

БЫСТРИМОВИЧ Валентина Ефимовна. Родилась в 1957 году в городе Могилеве. Окончила факультет промышленного и гражданского строительства Белорусского политехнического института. Автор книг прозы «Куда несет водоворот», «Азарова внучка» и др. Книга «Молоко единорога» стала победительницей стартапа LitUP 2023 года. Живет в Минске.

КЕБИЧ Людмила Антоновна (Войтулевич Людмила Антоновна). Родилась в 1951 году в городском поселке Красносельский Волковысского района Гродненской области. Закончила Молодечненское музыкальное училище по специальности «теория музыки» и факультет русской филологии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Поэтесса, прозаик, переводчик. Награждена медалью Франциска Скорины. Лауреат Республиканского литературного конкурса «Лучшее произведение года» в номинации «Песенный жанр» за цикл песен «Слова признания» и других республиканских и международных литературных конкурсов. Автор более двадцати книг поэзии и прозы, сборников песен, а также переводов. Стихи переведены на русский, украинский, азербайджанский, польский, литовский, калмыцкий языки. Пишет и исполняет песни на собственные стихи. Председатель Гродненского областного отделения ОО «Союз писателей Беларуси». Живет в Гродно.

ДРОБЫШЕВСКАЯ Валентина Станиславовна. Родилась в 1972 году в деревне Большая Рогозница Мостовского района Гродненской области. Окончила филологический факультет Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина. Поэт, прозаик, детский писатель. Автор ряда поэтических сборников и книг для детей. Лауреат нескольких литературных премий и конкурсов. Живет в Минске.

КРЯЖЕВА Светлана Павловна. Родилась в 1950 году в поселке Новая Белица Светлогорского района Гомельской области. Окончила факультет психологии Ярославльского государственного университета. Автор книг прозы «Тайна земли Езо», «О трепетные памяти шаги», книги стихов «Себя превозмочь». Живет в Минске.